

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ РУССКОГО ОБЩЕСТВА НА РОЛЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА В ХОДЕ И ПОСЛЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

С.И. Журавлев

Создание и поддержание в боеспособном состоянии военно-морского флота России оказало значительное и весьма серьезное воздействие на процесс и результат эволюции российского государства на протяжении XVIII-XX вв. Проблема военно-морского флота приобрела особое значение в начале XX в. в связи с развернувшейся гонкой морских вооружений, которая серьезно подорвала финансовую стабильность Российской империи, испытывающей огромные перегрузки в ходе социополитических и экономических модернизаций. Развитие военно-морских сил России в тот момент являлось проблемой не только и не столько финансово-экономической, но и в значительной степени социокультурной.

При общем, видимом осознании правящей элитой значимости военно-морского флота для Российской империи многие военно-стратегические и финансовые программы рубежа XIX-XX веков, связанные с развитием военно-морского флота, отмечены печатью ограниченности и некоторой ущербности. Это не может быть истолковано как некомпетентность высших инстанций. Речь идет скорее о влияниях «сухопутной» ментальности и соответствующих политико-культурных традициях. В верхних эшелонах власти существовало заметное напряжение между «сухопутной» и «морской» военно-политическими стратегиями. На политической сцене это напряжение проявлялось в форме борьбы различных групп «влияния» и «давления» при царском дворе, в правительственных структурах, а затем в Государственной Думе.

Важное значение в определении приоритетов в сфере военной политики играло то, как складывалось по отношению к военно-морскому флоту общественное мнение страны. Под общественным мнением мы будем понимать состояние массового сознания, выражающееся в отношении к общественным событиям, деятельности различных групп, объединений, экономическим проблемам, т.е. некий консенсус большого количества точек зрения по обсуждаемой проблеме. Причем, учитываться будет не столько мнение широких слоев населения Российской империи, представленных по преимуществу крестьянством, в целом достаточно индифферентным к проблемам восстановления флота, а именно точка зрения правящей элиты и близких к ней социальных слоев. Среди наиболее социально-активных страт русского общества необходимо выделить референтную группу, т.е. те страты, на мнение которых правящая элита Российской империи должна была ориентироваться в своей политике в первую очередь.

В рамках данного исследования референтная группа представлена: членами правящей династии и придворной аристократией; представителями офицерского корпуса вооруженных сил Российской империи; владельцами средств массовой информации и журналистами, пишущими на военные темы; деятелями различных политических партий и фракций Государственной Думы.

Следует отметить, что русское образованное общество в целом положительно воспринимало феномен военно-морского флота, ибо на протяжении истории России XVIII-XIX вв. победы, одержанные моряками, были заслуженным предметом нацио-

нальной гордости. И следствием этого было такое положение, когда «званием флотского офицера гордились сознательно» [1].

Но, даже, когда русский флот терпел поражения (как, например, в Крымскую войну 1853-1856 гг.), общественное сознание не воспринимало их как поражение, и общество в целом не испытывало чувства национального унижения и позора. Затопление Черноморского флота и 11-месячная героическая оборона Севастополя у бывшего моряка и декабриста Н.А.Бестужева вызвала следующую реакцию: «Севастополь пал, но пал с такой славой, что каждый русский, в особенности моряк, должен гордиться таким падением, которое стоит блестящих побед» [2].

Сходной была реакция известного откупщика В.А.Кокарева, который на обеде в честь моряков-севастопольцев в зале Московского купеческого собрания 26 февраля 1856 г. произнес тост «в честь славного и могучего русского героя». А другой современник Севастопольской обороны, митрополит Филарет, отмечал, что в Москве в то время «моряков на руках носили» [3]. В данном случае, ошибки военно-политического руководства страны общество не пыталось вменить в вину военным морякам и сделать их ответственными за военные неудачи.

Важность поддержки общественного мнения для флота прекрасно осознавалась лучшими представителями военно-морской элиты. В письме к генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу, бывшему в 1855-1881 гг. управляющим Морским ведомством, вице-адмирал И.Ф.Лихачев [4] отмечал: «К сожалению, в России даже и государственные люди не верят и не понимают значения и пользы морской силы. В этом отношении нам еще нужны убеждение и доказательства, которые бы бросались в глаза толпе и были доступны и слепым. Если и тяжелые подчас (как, например, настоящие) заслуги наши будут проходить незамеченными, то это убеждение в пользу флота никогда не народится в нации, а без него и развитие флота, лишенное поддержки общественного мнения, будет всегда трудною и непрочною затеей» [5]. Иными словами, представители флота, осознавая сложность и противоречивость военно-государственной политики, видели в поддержке общественного мнения одну из основ для развития морской стратегии.

Поэтому очень важным является вопрос о том, как менялось общественное мнение Российской империи о военно-морских силах с началом и в ходе русско-японской войны 1904-1905 гг. и первой русской революции 1905-1907 гг.

Первоначально известия о падении японского флота в ночь с 26 на 27 января 1904 г. на русские корабли на рейде Порт-Артура не вызвали в референтной группе (за исключением офицеров непосредственно оказавшихся на театре боевых действий) негативной реакции. Известный журналист и издатель газеты «Новое время» А.С.Суворин в своем дневнике со слов князя Урусова отмечал: «Во дворце смотрят на нападение японцев, «как на укусы блохи». Спокойное и даже веселое состояние духа при дворе поразило и меня» [6].

Своеобразное, но весьма характерное, отношение к началу военных действий на Дальнем Востоке проявил военный министр России генерал А.Н.Куропаткин. Педантичный и очень внимательный к подробностям А.Ф.Редигер (в то время начальник канцелярии Военного министерства) отмечал: «Когда я в среду 28 января пришел с докла-

дом к Куропаткину, он меня встретил с сияющим видом и сказал: «Россия втянута в войну. вероятно затяжную, и не хорошо радоваться этому, но что же делать, я лично так рад опять попасть на войну, там много лучше, чем здесь, в Петербурге» [7].

Сходные настроения отмечает в своем дневнике и сам император Николай II. В записи за 28 января 1904 г. царь отмечает: «День прошел без известий с Дальнего Востока. По городу, конечно, ходили разные слухи, в особенности один о поражении японского флота» [8], т.е. элита русского общества была в полной уверенности, что хотя противник и совершил внезапное нападение, но разбитым непременно должен быть японский флот.

Следствием этой уверенности стал патриотический подъем среди петербургской публики. Спустя день, 30 января, император с умилением записывает: «Перед завтраком большая толпа студентов с флагами подошла к Зимнему и начала петь гимн... Затем другая толпа пришла на набережную и кричала «ура!», чтобы мы показали. Видели ее потом из окон Аничкова. Трогательное проявление народных чувств и в полном порядке!» [9] Официальная пресса подтверждала «бурновосторженный» характер этих манифестаций, сообщая, что «матросов, которые случайно проходили мимо, толпа останавливала, многие их обнимали» [10].

Следовательно, общественное мнение в январе 1904 г., в первые дни войны характеризовалось идентичностью взглядов правящей элиты и широких масс русского общества в позитивной оценке деятельности российских военно-морских сил в условиях дефицита достоверной информации с театра боевых действий [11].

Однако, после получения в полном объеме сведений о повреждении русских судов в Порт-Артуре в результате ночной атаки японских миноносцев 27 января, о гибели на собственных минах заградителя «Енисей» и крейсера «Боярин» 31 января, настроение главы Российской империи изменилось. Изменилось и общественное мнение. Характерное для русского человека и всего общества в целом, стремление найти ответственных за неудачи нашло закономерный ответ: поскольку первые ощутимые потери понесли не сухопутные, а военно-морские силы, значит, виноваты в этом моряки, морское командование и флот в целом. Причем, неудачи на море вызывают среди гражданской публики даже определенное злорадство. Так, капитан 2 ранга В.И.Семенов, направляющийся поездом в Порт-Артур на театр военных действий, среди пассажиров отмечает следующее суждение о нашем положении на Дальнем Востоке: «...Будут побить! И поделом!» [12].

Изменилось настроение записей и у императора Николая II. 1 февраля 1904 г. (на 6-й день с момента начала боевых действий) он отмечал. «Первую половину дня все еще находился под грустным впечатлением вчерашнего, досадно и больно за флот и за то мнение, которое может о нем составить в России!» [13].

Это доказывало неустойчивость патриотического чувства в массах и позиции официальных властей (в лице императора), самоустранявшихся от процесса формирования или хотя бы воздействия на народные настроения.

Неудачи русских военных моряков на Дальнем Востоке породили своеобразное «японофильство» среди той части русского общества, которая стремилась использовать сложившиеся обстоятельства для достижения собственных политических целей. Оппо-

зиционные по отношению к самодержавию силы - во всем спектре от либералов до радикальных социал-демократов - были солидарны в противопоставлении «деспотическому и отсталому правительству» России «политически свободный и культурно быстро прогрессирующий народ» Японии. Мнение лидера российской социал-демократии, рассуждавшего о «революционной задаче, выполняемой разгромившей самодержавие японской буржуазией» [14] встречало в определенных кругах русского общества сочувствие и понимание.

Подобное «японофильство» получило весьма широкое распространение в около-революционных кругах, особенно на национальных окраинах империи. Это было связано с надеждой, что поражение в войне России «может отразиться на полном крахе всего порядка». В своих донесениях в Департамент полиции руководители жандармских управлений Бессарабской, Витебской, Могилевской губерний фиксировали «радостное возбуждение» населения в связи с известиями о военных неудачах царизма на Дальнем Востоке [15]. Гимназисты в одной из витебских гимназий кричали «Да здравствует Япония!», а петербургские студенты-путейцы, несмотря на «безусловно отрицательное» отношение к этой идее большинства столичного студенчества, планировали направить микадо сочувственный адрес [16].

Показательно, что на страницах донесений преобладали упоминания об акциях молодежи (студенты, гимназисты, которые еще совсем недавно составляли костяк патриотических манифестаций), т.е. тех социальных групп, пристрастия которых в силу их переходного положения являются политически неустойчивыми. С одной стороны, это свидетельствовало о росте общественного недовольства внутренней политикой царизма, нашедшего полулегальный способ выражения, противопоставляя «прогрессивную» Японию «отсталой» России. С другой стороны, о неустойчивости общественных настроений и о неспособности правительственной пропаганды эффективно противостоять подобным деструктивным тенденциям.

В ходе военных действий мнение русского общества меняется. Часть русского общества ранее лояльно настроенная к существующему политическому режиму (в связи с постоянными поражениями на море) начинает высказываться все более жестко и критически. Так, А.С.Суворин 15 июня 1904 г. на заседании Комитета для боевых судов, сооружаемых на пожертвования под председательством великого князя Александра Михайловича, выступил с резкой критикой порядков, царивших в Морском ведомстве. За что был обвинен адмиралом Ф.В.Дубасовым [17] в оскорблении патриотических чувств присутствующих. А публикация журналистом М.О.Меньшиковым в газете А.С.Сувориной «Новое время» фельетона, где он позволил себе заявить, что «у нас флота нет» [18], вызвала целое разбирательство в редакции с привлечением директора Департамента полиции П.Н.Дурново и товарища министра народного просвещения Н.А.Зверева [19]. В отличие от молодежных акций в выступлениях общественных деятелей уже присутствовало разделение таких понятий как «флот вообще» и «военно-морское командование».

На страницах собственного дневника А.С.Суворин давал более откровенную характеристику: «9 августа. «Новик» японцы потопили у Сахалина. Это лучший наш крейсер. Не объявляют, по случаю «радости» крещения [20]. В царские дни несчастья и

поражения не признаются. Им хорошо в дворцах и поместьях... Что им русские несчастья» [21].

С течением времени та часть общества, которую русско-японская война не затронула лично, потеряла интерес к происходящему на Дальнем Востоке. Безразличие русского общества к событиям на театре военных действий особенно удивляло иностранцев. Так, в разговоре с журналистом газеты «Русское слово» Ф.Купчинским его английский коллега из «The Kobe Chronicle» подчеркивал: «У вас в России... уже привыкли к войне и пассивно как-то относятся к ней» [22]. А корреспондент немецкой газеты «Neve Freie Presse» был буквально поражен реакцией русского общества на поражение русского флота: «Петербург относится к произошедшему безразлично! Смертельным ужасом веет от этого сообщения: чувствуется, что только там, где веет трупным запахом разлагающегося государственного организма, могут относиться безразлично к таким событиям, как цусимский бой» [23]. Тон английской «Daily News» более сдержанно и ее корреспондент задается вопросом: «Отчего же русская нация так беспечно и безразлично относится к случившемуся?» [24].

Подобное безразличное отношение к известиям с театра боевых действий отмечали и сами участники войны: «Большинство образованного общества относилось к войне совершенно индифферентно; оно спокойно занималось своими обычными делами; в тяжелые дни Ляояна, Шахэ, Мукдена и Цусимы театры, рестораны и разные увеселительные заведения были так же полны, как всегда» [25].

В мемуарах современников войны, людей занимающих видное место в обществе, претендующих на роль «властителей дум», также прослеживается подобное безразличие и почти полное отсутствие интереса к войне. Например, В.М.Чернов, будущий лидер партии правых эсеров, уделил в своих 400-страничных воспоминаниях русско-японской войне всего одну фразу: «Японская война, видимо, была окончательно проиграна» [26]. Так же лаконичен и Н.В.Савич [27]: ««На Дальнем Востоке шла тягостная война» [28].

Будущий лидер партии кадетов П.Н.Милоков в своих обстоятельных воспоминаниях уделил событиям 1904-1905 гг. 72 страницы и только 5 раз упомянул о войне, да и то, как правило, в связи с другими событиями, т.е. эти упоминания носят явно косвенный характер. Начало русско-японской войны запомнилось П.Н.Милокову потому, что совпало с его первым визитом к теоретику анархизма князю П.А.Кропоткину: «Невозможно забыть дату этой поездки: это было 10 февраля 1904 г., когда в Англию пришли первые телеграммы о внезапном нападении японцев на Порт-Артур. Мы застали Кропоткина в страшном волнении и негодовании на японское предательство» [29]. О собственной оценке произошедшего автор ничего не упоминает. Индифферентность Милокова особенно четко проявляется в сравнении с позицией Кропоткина, который, являясь убежденным противником государства как института, болезненно переживает потери России как страны. У Милокова же только событие экстраординарное, такое как Цусима, было удостоено отдельного абзаца [30].

В.М.Чернов, Н.В.Савич, П.Н.Милоков - это не просто современники событий, но и крупные политические деятели. Являясь политиками, они отражали настроения лю-

дей, способных повлиять на решения, от которых зависела судьба и государства, и военно-морского флота.

Другая часть общества воспринимала постоянные известия о наших неудачах на Дальнем Востоке как удар по своему национальному самолюбию. От недавних «бурно-восторженных» настроений не осталось и следа. Критика моряков, флота, руководства и порядков царских в Морском ведомстве приняла оскорбительные формы. Официальному главе Морского ведомства, генерал-адмиралу, великому князю Алексею Александровичу устроили настоящие обструкции. А.С.Суворин в своем дневнике 27 октября 1904 г. отмечал: «Алексею Александровичу, адмиралу, говорят, на Морской сделала публика скандал, крича: «Государственный вор». В другой раз: «Отдай наш флот. Где наш флот?» [31]. К морякам прикрепляют саркастическое прозвище «самотопы» [32], а русские военные корабли называют не иначе как «калошами» [33]. Таким образом, в течение 1904 года общественное мнение, по сравнению с первыми днями войны, в корне изменилось: от патриотического ажиотажа перешло к национальному самоуничижению.

За этим последовало стремление (характерное для русской ментальности) переложить ответственность с себя на кого-нибудь другого. Особенно это характерно для представителей высшего армейского командования. Не нанеся японской армии сколько-нибудь существенного ущерба в Маньчжурии, русский генералитет вину за это перелагает на флот. Так, Генерального штаба генерал-майор Е.И.Мартынов в своем очерке «Из печального опыта русско-японской войны» отмечал: «Характерная особенность русско-японской войны состояла в том, что обе воюющие стороны были отделены от театра действий: Россия - огромным пространством территории, а Япония морем. Последнее обстоятельство придавало чрезвычайное значение действиям флота: если бы русский флот завоевал себе господство на море, то войны на суше совсем бы не было; если бы он сохранил за собой хотя бы способность мешать движению неприятельских военных транспортов, то японцам никогда не удалось бы сосредоточить на суше значительные силы, а, следовательно, и развить там крупные операции» [34].

Таким образом, генерал-майор Е.И.Мартынов снял ответственность за поражения на Дальнем Востоке с армии и переложил ее на флот: «Наша морская торговля по сравнению с сухопутной незначительна, да и притом производится на иностранных судах. При таких условиях достаточно ограничиться обороной побережья, а для этого стоит лишь укрепить важнейшие пункты и развить железнодорожную сеть настолько, чтобы можно было быстро сосредоточить необходимое число войск для отражения десанта на каждом угрожаемом участке. Ведь если бы во время последней войны вместо однокорейской, позорно выстроенной, железной дороги мы имели хороший двухкорейский путь, то могли бы сосредоточить в Маньчжурии такие сухопутные силы, что и без содействия флота легко справились бы с японцами» [35]. Здесь перед нами явное влияние «сухопутной» ментальности, которое всякий раз возрождалось в определенной части русского общества, когда флот терпел поражения. Точно так же вопрос о бесполезности флота для России, и о достаточности одной сухопутной армии ставился и после Крымской войны 1853-1856 гг [36].

Резко изменившиеся негативные взгляды русской прессы по отношению к собственным вооруженным силам отмечали военные корреспонденты. Так, участник русско-японской войны капитан Д.Парский писал: «Будучи мало знакомым даже с своими войсками, получая отрывочные и часто неверные сведения о происходившем на театре военных действий и совершенно уже не зная ничего о японцах, - печать наша принялась усердно расхваливать неприятеля и без всякого разбора чернить собственную армию: хваталась за всякую частность, самый мелкий случай, иногда и заведомо ложный» [37].

Изменение общественного мнения в негативную для флота сторону не прошло незамеченным и для самих моряков. В начале войны офицерская молодежь, подобно упоминавшемуся выше капитану 2 ранга В.И.Семенову стремится на театр военных действий (например, лейтенант А.В.Колчак едет на фронт на третий день после свадьбы) [38]. Летом 1904 г. при формировании 2-й Тихоокеанской эскадры на Балтике настроения моряков проникнуты духом пессимизма и обреченности. Так, судовой врач с эскадренного броненосца «Орел» В.Кравченко в своем дневнике отмечал: «Ох, что-то нет у нас веры во вторую эскадру, хотя по наружному виду она и представляет такой грозный вид... не нужно и пессимистом быть, чтобы ясно видеть, что, кроме стыда и позора, нас ничего не ожидает... В общем у нас, моряков, так сердце болит, что трудно себе представить...» [39].

Обреченность звучала в речи командира эскадренного броненосца Гвардейского экипажа «Император Александр III» капитана 1 ранга Н.М.Бухвостова во время прощального обеда перед отплытием эскадры вице-адмирала З.П.Рожественского из Либавы: «...Победы не будет!.. Я боюсь, что мы растеряем половину эскадры на пути; а если этого не случится, то нас разобьют японцы: у них и флот исправнее, и моряки они настоящие. За одно я ручаюсь: мы все умрем, но не сдадимся» [40].

Даже сам адмирал З.П.Рожественский, когда в Либаве его спросили о шансах на победу над флотом Японии, ответил: «Какие у меня шансы! Разве что японцы попадут на камни: в Желтом море бывают туманы... Вот мои шансы, а других у меня нет» [41].

Подобные настроения приводят к настоящему саботажу среди нижних чинов перед походом 2-й Тихоокеанской эскадры. Лейтенант Л.В.Ларионов с эскадренного броненосца «Орел», в качестве примера подобного саботажа матросов, не желающих идти на войну, отмечал случаи, когда в главные цилиндры паровой машины броненосца была подсыпана металлическая стружка, а в моторы орудийных башен песок [42]. Ситуация усугублялась отсутствием у рядового состава ясного понимания целей войны, что подрывало веру матросов в возможности морского командования и приводило к попыткам самостоятельно, доступными им средствами, предотвратить свое личное участие в военной компании.

Офицерский кодекс чести, происхождение и воспитание не позволяли офицерам прибегать к откровенному саботажу. Поэтому для некоторых офицеров 2-й Тихоокеанской эскадры своеобразным способом дезертирства становится беспробудное пьянство, за которое их списывают с кораблей. Так, например, произошло со 2-м флагманским артиллерийским офицером эскадры капитаном 2 ранга Н.П.Курошем [43]. Теряя личное достоинство, честь, самоуважение, офицеры тем не менее не наносили вреда флоту как целому. Но вряд ли только личная трусость или слабоволие были стимулом к по-

добному поведению: скорее всего это именно деморализующее воздействие негативно-го по отношению к флоту общественного мнения.

Немаловажную роль в нагнетании отрицательных эмоций в русском обществе сыграла пресса, которая по мере ухудшения дел на Дальнем Востоке выступала со все более смелой и откровенной критикой недостатков, паривших в Военном и Морском ведомствах. Весьма чуткий наблюдатель А.С.Суворин 20 ноября 1904 г. в своем дневнике отмечал: «Статья Кладо [44] (Прибоя). Отромное впечатление... Кажется, все подалось и почувствовало, что почва болотная, которая может засосать. Статья морского офицера против всего морского ведомства и генерал-адмирала. Это знаменис времени» [45].

Генерал А.Н.Куропаткин, ставший в 1904-1905 гг. главнокомандующим вооруженными силами России на Дальнем Востоке, рассказывая о своих ощущениях от общения с прессой в этот период, также оценил ее поведение как разнузданное, третировавшее правительство, войска и их вождей [46]. Поэтому никакие призывы официальных властей к морякам 2-й Тихоокеанской эскадры «кровью смыть горький стыд родины» [47] успеха не имели.

И главная причина неудачи правительственных попыток изменить общественное мнение в нужную для себя сторону, как нам представляется, заключалась в неспособности самодержавия четко и внятно сформулировать цели и задачи войны [48]. Сформулировать так, чтобы они стали понятны и доступны самым широким слоям населения. Сделать это правительство так и не сумело. А трескучие фразы официальной пропаганды о «едином желании положить свою душу на защиту чести народа во славу Государя и в утешение любвеобильному сердцу Царицы» [49] вряд ли могли воспламенить сердца людей, идущих на вполне вероятную смерть. Поэтому каждый из участников этой войны определял эти задачи для себя сам.

Основная масса морских офицеров воспринимала необходимость идти на войну как «свой долг офицера, идти в бой раз тебя посылают, а ты к этому готовился всю жизнь» [50]. У массы рядовых солдат и матросов не было даже такой мотивации. Для них эта война, которая велась за пределами России, так и осталась чуждой, непонятной и ненужной.

Мишистр земледелия и государственных имуществ А.С.Ермолов отмечал: «Нельзя скрывать от себя, что война на Дальнем Востоке никакою популярностью среди населения не пользуется, что никакого подъема патриотического чувства в народе нет и не было, что народ только подавлен тяжелыми для него последствиями этой войны и вместе с тем на него угнетающим образом действуют слухи о наших военных неудачах» [51].

Надежды министра внутренних дел В.К.Плеве на «маленькую победоносную войну», с помощью которой удастся остановить надвигающуюся революцию обернулись тяжелой затяжной войной и непрекращающейся чередой поражений. Кратковременный патриотический подъем сменился нарастающим социальным напряжением. Очередное тяжелое поражение - падение Порт-Артура и гибель кораблей 1-й Тихоокеанской эскадры - сделали весьма вероятную революцию неизбежной. Первая русская революция началась уже в ходе русско-японской войны.

А спустя пять месяцев у островов Цусима в двухдневном бою 14-15 мая 1905 г. 2-я Тихоокеанская эскадра вице-адмирала З.П.Рожественского перестала существовать как организованная боевая сила. В Корейском проливе погибло 5,5 тысяч русских мо-

ряков, 8 эскадренных броненосцев, 4 крейсера, 1 вспомогательный крейсер, 5 миноносцев и несколько транспортов. Еще 4 броненосных корабля и 1 миноносец сдались в плен [52]. По выражению офицера Морского Генерального Штаба (МГШ) М.А.Петрова «морское могущество России сделалось нулем» [53].

Лидер российской социал-демократии, говоря о постигшей русский флот катастрофе, выражал общее мнение: «Теперь и последняя ставка побита. Этого ожидали все, но никто не думал, чтобы поражение русского флота оказалось таким беспощадным разгромом... Русский военный флот окончательно уничтожен. Война проиграна бесповоротно... Перед нами не только военное поражение, а полный военный крах самодержавия» [54].

В одной из своих статей В.И.Вернадский так резюмировал настроение русского общества: «Огромные, колоссальные жертвы, понесенные русским народом для создания флота и армии, оказались напрасными, то, что создано на эти средства не отвечает своему назначению». Всем очевидна «полная неподготовленность русской армии и русского флота к исполнению тех задач, которые им ставились» [55]. Причем, негативное отношение общественного мнения в большей степени касалась не армии, а флота [56]. И причина этого, на наш взгляд, кроется в том, что для России эта война началась с тяжелого поражения, именно, флота, и завершилась полным его разгромом. И в глазах общественного мнения флот, на строительство которого тратились до войны колоссальные суммы (материальные потери флота оценивались в 256 млн. руб. золотом [57]) стал виновником и поражений, и огромных расходов, и уязвленного чувства национального достоинства.

Еще более усилилось негативное отношение общественного мнения страны к военно-морским силам в ходе первой русской революции 1905-1907 гг., когда флот потрясла целая серия революционных выступлений. 14 июня 1905 г. началась по выражению Николая II «тяжелая и срамная история» с эскадренным броненосцем Черноморского флота «Князем Потемкиным-Таврическим» [58]. До конца 1905 г. на флоте произошло еще четыре крупных восстания моряков: 15 июня в Либаве, 26-27 октября в Кронштадте, 30-31 октября во Владивостоке и 15 ноября в Севастополе. На протяжении 1906-1907 гг. во флоте произошло еще четыре крупных матросских восстания.

Военный министр Российской империи А.Ф.Редигер следующим образом выразил позицию военного руководства: «Продолжавшиеся во флоте беспорядки делали из него элемент опасный для государства» [59]. Уже в ноябре 1905 г. военный министр в докладе царю заявил: «В настоящее время флот представляет собой не элемент силы, а элемент государственной слабости...» [60]. В качестве мер, рекомендованных для устранения такого положения вещей на флоте, было рекомендовано все корабли поставить на стоянку, в море не выходить, экипажи свезти на берег, самых ненадежных матросов перевести в армию, создав из них подобие дисциплинарных батальонов, а во главе флота поставить надежного армейского «генерала-бурбона» [61]. Таким образом, в экстраординарной ситуации власти предпочли действовать традиционными методами, поставив флот под контроль сухопутных войск.

Тяжелым последствием поражения на Дальнем Востоке и первой русской революции стало резкое ухудшение технического состояния даже тех кораблей русского военно-морского флота, которые уцелели во время русско-японской войны. Картину всеобщего запустения флота отражает «Опись состояния судов к 1 марта 1907 года», составленная офицерами Морского Генерального штаба [62].

Из 108 кораблей Балтийского флота, перечисленных в «Описи», только 37, т.е. 34,3 % находятся в готовности. Однако с учетом того, что 24 корабля из этих 37 нуждаются в различных видах текущего или даже капитального ремонта, процент кораблей реально состоящих в полной боеготовности в 1907 г. на Балтийском флоте сокращается всего до 12 %.

И это при том, что военно-морские силы Германии, нашего вероятного противника на Балтике, были весьма внушительны. Против единственного исправного русского эскадренного броненосца «Цесаревич» немцы могли выставить 22 аналогичных ему по классу и тактико-техническим характеристикам корабля, и это без учета новейших линкоров-дредноутов и линейных крейсеров, которых в русском флоте не было даже в проекте [63]. Примерно также дела обстояли и с другими классами кораблей. Элементарный математический расчет доказывает невозможность достижения паритета военно-морских сил с Германией на Балтике.

Революция 1905-1907 гг. и, как ее следствие, острая конфронтация в обществе поставили власть Российской империи перед угрозой изменения настроений в вооруженных силах в пользу антиправительственных сил. Нельзя не согласиться с мнением Е.Г.Вапилина, что «изоляция армии от общества стала тем средством, которое в остром противоборстве самодержавия и его оппонентов было необходимым условием беспрекословного выполнения приказов командиров и начальников» [64].

Особенно эта политика изоляции от общества была актуальна в отношении флота, отличавшегося от армии большей степенью революционности. Но эта политика не могла быть эффективной длительный период времени, так как, с одной стороны, такой внутренний изоляционизм в принципе невозможен, а с другой - он вызывал недовольство нижних чинов, а также усталость и разочарование офицеров службой. Прямым следствием этой политики стало, во-первых, отсутствие положительной мотивации для дальнейшего продолжения службы у молодых морских офицеров [65], а, во-вторых, вело к отчуждению морского офицерского корпуса от русского общества. Это в свою очередь влекло за собой стремление общества возложить ответственность за уязвленные национальные чувства на представителей чужеродного общества «Цусимского ведомства» [66].

Отражением общей для многих участников войны позиции служит мнение лейтенанта Л.В.Ларионов. Раненый в Цусимском сражении, возвратившись из плена, он писал: «Отношение к морякам было отвратительное. Русская публика флота не знала, мало им интересовалась. Все сведения о нем она сконцентрировала лишь в том, что моряки ходят в дальние плавания и много пьют. Частично отдавали должное морским офицерам, что они образованнее сухопутных и, пожалуй, более либеральные. Да и форма у флота красивая. Это все касается Петербурга. Провинция и даже Москва никакого понятия о флоте не имела и когда видела на улице моряка в черном пальто, то и за офицера его не принимала. Японская война, гибель флота в Артуре и главное в Цусиме всколыхнула народные массы, а с ними и интеллигенцию, которая бранила армию, а флот возненавидела, т.е. морских офицеров. Было неприятно в форме показываться в общественных местах, всегда было можно нарваться на скандал. Пожимание же плечами или неодобрительный шепот за плечами - были заурядные явления. Все мы, молодежь ходили настороженные, злые на высшее морское командование, которому мы были обязаны таким отношением» [67]. В условиях роста социальной напряженности политика, проводимая государством по отношению к флоту, порождала замкнутый круг: ре-

волюционность флота вызывала опасения в правительственных кругах, а игнорирование его интересов усиливало революционные настроения в среде моряков.

Общая деморализация захлестнула офицерский состав флота. Значительная часть офицеров уходила в отставку, не видя впереди «ничего светлого для флота». По свидетельству адмирала И.К.Григоревича (в 1907-1909 гг. - товарищ морского министра. в 1909-1917 гг. - морской министр), на службе остались немногие, «и по большей части это молодежь, обязанная платить за полученное образование». «Заграничные плавания прекратились, время пребывания в море сократилось донельзя, и соблазны берега усилили свое развращающее действие»; «при недостатке офицеров вообще приходилось много еще увольнять по суду, что было очень прискорбно» [68].

Это же явление, уход многих офицеров из рядов вооруженных сил под воздействием негативного отношения общества, отмечал и такой проникательный наблюдатель как генерал А.И.Деникин: «Неудачи минувшей войны и отношение общества и печати к офицерству поколебали во многих веру в свое призвание. И начался «исход», продолжавшийся примерно до 1910 года и приведший в 1907 году к некомплекту в офицерском составе армии до 20%» [69].

Данные А.И.Деникина по армии довольно точно коррелируются с данными полученными автором в результате анализа динамики численности офицеров Российского Императорского военно-морского флота в 1904-1907 гг.

Расчеты автора основаны на сведениях о прохождении службы морскими офицерами [70]. В их основе - численность офицеров строевого состава флота, так как именно его в большей степени коснулось то явление, которое А.И.Деникин назвал «исходом». Сводная таблица численности офицеров флота показывают, что в береговых частях флота (корпус корабельных инженеров, корпус инженеров и техников морской строительной части, Адмиралтейство) никакого «исхода» не наблюдается. По сравнению с 548 офицерами в 1904 г., в 1907 г. в береговых частях флота служит 559 человек, т.е. налицо даже прирост в 2%.

Сводная таблица численности офицеров флота и корпусов Морского ведомства
(первая цифра показывает общее число офицеров, в скобках указано число офицеров в чине от мичмана до капитана 2 ранга включительно)

	январь 1904	январь 1907
Строевые части флота:		
Флот	1689 (1509)	1287 (1151)
Корпус морской артиллерии	57 (47)	50 (22)
Корпус флотских штурманов	105 (90)	76 (57)
Корпус инженер-механиков	436 (415)	390 (342)
ВСЕГО в строевых частях флота	2287 (2061)	1803 (1572)
Береговые части флота:		
Корпус корабельных инженеров	103 (81)	92 (70)
Корпус инженеров и техников мор. строит. Части	76 (58)	69 (52)
Адмиралтейство	369 (266)	398 (307)
ВСЕГО в береговых частях флота	548 (405)	559 (429)

Совсем иная картина наблюдается в строевых частях флота. Здесь, по сравнению с 2287 офицерами в 1904 г., в 1907 г. осталось только 1803 человека, т.е. численность офицеров сократилась на 21,2%. Принимая в расчет только самую боеспособную офицерскую молодежь (офицеров в звании от мичмана до капитана 2 ранга), в 1907 г. убыль по сравнению с 1904 г. составит 24,1% (1572 офицера в 1907 г. по сравнению с 2071 в 1904 г.) Однако, надо принять в расчет еще и то обстоятельство, что в 1907 г. из 1572 обер-офицеров 236 получили свой чин в 1905-1907 гг [71]. Поэтому число обер-офицеров флота с 1904 по 1907 гг. реально сократилось с 2071 до 1336 человек, т.е. на 35,5%.

Явление, которое мы наблюдаем не может быть рассмотрено как «текучесть кадров», поскольку «Списки лицам состоящим в Морском ведомстве и флота адмиралам, штаб- и обер-офицерам» содержат индивидуальные формуляры офицеров со сведениями о прохождении ими службы. Поэтому, можно констатировать, что из тех, кто к началу русско-японской войны носил офицерское звание, в 1907 г. по тем или иным причинам флот покинул каждый третий.

Весьма серьезным фактором, повлиявшим на сокращение численности морского офицерского корпуса, было негативное по отношению к флоту общественное мнение, которое в 1905-1907 гг. формировалось под воздействием целого ряда критических публикаций в прессе. Причем, критике подвергалось не только высшее морское начальство, действительные виновники Порт-Артура и Цусимы, но и все морские офицеры и флот в целом. Значительное распространение и поддержку в обществе получили настроения, что флот «очень дорогая игрушка, которая никогда нашему Отечеству пользы не приносила, а служила лишь совершенно ненужной обузой и помехой» [72]. Указывалось также, что при отсутствии серьезной морской торговли и заморских колониальных военных флот в России - дело искусственное и надуманное. К тому же содержание морских сил требовало огромных расходов, которые себя не оправдывают. Наконец, приводился еще один довод: русский народ в большинстве своем нация сухопутная и не имеет даже понятия о флоте [73]. Эти голословные утверждения были украшены цветистыми и громкими фразами, привлекавшими внимание публики, но не были подтверждены качественным анализом как экономической, так и политической эффективности флота как инструмента государственной политики.

С 1906 г. появился еще один немаловажный фактор, получивший возможность влиять на дальнейшее развитие военно-морских сил страны - Государственная Дума. «Народные представители» получили право утверждать новые бюджетные ассигнования на армию и флот. Отпуск кредитов на строительство новых кораблей Государственная Дума жестко увязывала с преобразованиями в Морском министерстве и предоставлением новой судостроительной программы. Думские политики желали получить гарантии, что ситуация, предшествующая русско-японской войне, когда огромные средства тратились на постройку большого количества разношерстных боевых кораблей, из которых невозможно было создать боевую эскадру с одинаковыми тактико-техническими характеристиками [74], больше не повторится. Являясь представителями буржуазных и мелкобуржуазных слоев общества, депутаты Думы внесли в постановку проблемы долю прагматизма, которой давно не хватало. Эмоции, захлестнувшие обще-

ство, не позволяли трезво оценить ситуацию. Поэтому вмешательство нового государственного института в решение конфликта «власть - общество - флот» должно было сыграть значительную роль.

Правительство, наряду с репрессивными мерами, направленными против революционных настроений во флотской среде, все же предприняло некоторые усилия по исправлению ситуации, опять же прибегнув к традиционным средствам. Первым шагом на пути осуществления этих планов стала реорганизация управления морским министерством. 29 июня 1905 года, еще до официального окончания русско-японской войны, особым рескриптом Николая II была упразднена должность генерал-адмирала, и занимавший ее великий князь Алексей Александрович вместе с управляющим морским министерством адмиралом Ф.К.Авеланом были уволены в отставку. Во главе морского ведомства был поставлен морской министр адмирал А.А.Бирилев.

Замена «безответственного» генерал-адмирала из великих князей, на «ответственного» министра меняла личности, но никак не затрагивала порядки, царившие в Морском ведомстве. Весьма примечательную, хотя и резкую, характеристику новому Морскому министру дает лейтенант Л.В.Ларионов: «Бирилев был сделан единственным и полноправным хозяином флота. Все свое могущество он обратил в скверное шутовство и когда, после позора понесенного флотом и всей Россией» [75]. Мнение Л.В.Ларионова во многом отражает настроение царившее в среде младших морских офицеров, участников прошедшей войны [76].

В таких условиях, когда общественное мнение России требовало от морского ведомства реальной реорганизации, его возглавил человек сам во многом отвечавший за неудачи флота во время русско-японской войны и вряд ли желавший и способный что-либо изменить. Поэтому молодые морские офицеры, жаждавшие перемен во флоте, воспользовались «Манифестом 17 октября 1905 года», в котором Николай II изъявил волю «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [77]. Документ заканчивался призывом «ко всем верным сынам России помочь прекращению... неслыханной смуты» и вместе с государем «напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле». Откликнувшись на призыв «напрячь все силы», молодые морские офицеры решили направить их на восстановление флота, видя в нем залог восстановления мира. Осенью 1905 года по их инициативе начинают создаваться первые общественные организации морских офицеров: «Санкт-Петербургский военно-морской кружок», «Лига Обновления Флота», «Российский Морской союз», «Общество офицеров флота» в Кронштадте, «Либавское общество ревнителей морских знаний».

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что в ходе и после русско-японской войны русское общество в значительной степени вину за военное поражение возложило на представителей военно-морского флота. С одной стороны, это стало причиной значительного сокращения морского офицерского корпуса, когда, потеряв перспективы и положительные мотивации к дальнейшему прохождению службы, флот покинули более 30 % молодых офицеров. С другой стороны, сложившаяся в стране внутриполитическая обстановка, предоставила наиболее активной части молодых морских

офицеров гораздо больше возможностей для определения перспективных направлений в развитии военно-морского флота. Следствием такого положения вещей стало создание в 1905 году в России сразу нескольких общественных организаций, членами которых были морские офицеры, находившиеся на действительной военной службе.

Библиографический список

1. Цит. по: Басов А.В., Московенко М.В. «К силе земной присовокупить морскую...» //Отечественная история. 1996. № 5. С.84.
2. Цит. по: Золотарев В.А., Козлов И.А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1988. С.73.
3. Новое время. 1905. 3 июня.
4. Лихачев Иван Федорович (1826-1907) - вице-адмирал российского флота, принимал активное участие в разработке и проведении морских реформ 1850-1860-х гг. В его письме речь идет о посылке двух русских эскадр к берегам США в 1863 г., что должно было повлиять на жесткую позицию Англии, занятую ей в вопросе о предоставлении Россией независимости Польши в ходе польского восстания 1863 г. Посылка русских эскадр в Атлантический и Тихий океан заставила Англию снять свои претензии, но в самой России эти события не были оценены по достоинству.
5. Письмо И.Ф.Лихачева к вел. кн. Константину Николаевичу. //Морской сборник. 1912. № 11. С.15.
6. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 2000. С.483.
7. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. М., 1999. Т.1. С.381.
8. Дневники императора Николая II. М., 1992. С.193.
9. Там же, С.193.
10. Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. Издание Самарского статистического комитета под редакцией секретаря И.А.Протопопова. Самара, 1904. С.237.
11. Петербургские гимназисты, давая оценку своим опущениям, отмечали: «...Мы были вовлечены в общий, всех захлестнувший патриотический подъем в связи с начавшейся в январе войной с Японией. Поддавшись общему легкомысленному настроению, мы не сомневались в успешном разгроме маленькой, казавшейся беспомощной Японии». См.: Засосов Д.А., Пызин В.И. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX-XX веков; Записки очевидцев. М.: Молодая гвардия, 2003. С.232.
12. Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма. М., 1994 С.399.
13. Дневники императора Николая II. М., 1992. С.193-194.
14. Ленин В.И. К русскому пролетариату // Полн. собр. соч. Т.8. С.170; Падение Порт-Артура Т.9. С.155.
15. См. Павлов Д.Б., Петров С.А. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904-1905 гг.: Документы. М., 1993. С.29.
16. Новое время. 1905. 26 мая. А ведь еще недавно, 6 марта 1904 г. студенты Санкт-Петербургского университета преподнесли Николаю II всеподданнейший адрес: «Горячий порыв возмущения против врага, предательски поднявшего меч вражды на ветвь мира, протянутую Тобюю, Государь, неустержимо влечет нас выразить чувства беззаветной любви к Престолу и Отечеству в готовности пожертвовать собою на благо родины. Слияясь с гласом народа, члены студенческой корпорации «Денница» поверга-

ют к стопам Твоим, обожаемый Монарх, одушевляющие их верноподданнические чувства». // Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. Издание Самарского статистического комитета под редакцией секретаря И.А.Протопопова. Самара, 1904. С.187, 188.

17. Дубасов Федор Васильевич - адмирал русского флота. В 1897-1899 гг. командующий 1-й Тихоокеанской эскадрой. В 1901-1905 гг. председатель Морского технического комитета.

18. Новое время. 1904. 30 июля.

19. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 2000. С.464-465.

20. Крещение новорожденного наследника цесаревича Алексея Николаевича.

21. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 2000. С.468-469.

22. Русское слово. 1905. 1 июля.

23. Цит. по: Новое время. 1905. 22 мая.

24. Там же, С.3.

25. «...Хорошо забытое старое». / Сб. статей - Е.И.Мартынов, А.А.Свечин, С.Ф.Ахромеев. М., 1991. С.62. Еще один участник русско-японской войны, впоследствии генерал-лейтенант Советской армии А.А.Игнатьев вспоминал, что его дядя П.Н.Огарев (отец старшего минного офицера С.П.Огарева, погибшего на броненосце «Александр III») «долго обивал пороги бесчувственного петербургского общества, чтобы собрать средства на построение храма-памятника цусимским героям». Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1955. Т.1. С.343

26. Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. М., 1993. С.219.

27. Савич Никанор Васильевич - депутат III и IV Государственной Думы от Харьковской губернии, секретарь фракции октябристов, ближайший сотрудник А.И.Гучкова. В Думе занимал должность товарища председателя Комиссии по государственной обороне и считался главным специалистом по проблемам ассигнования бюджетных средств на нужды военного и морского ведомств. Автор воспоминаний «Три встречи (А.В.Колчак и Гос. Дума)» (Архив русской революции. Берлин, 1923. Т.10) и «Воспоминания» (Грани, Франкфурт-на-Майне, 1983, №№ 127, 129, 130).

28. Савич Н.В. Воспоминания. СПб - Дюссельдорф, 1993. С.15.

29. Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т.1. С.231.

30. Там же, С.294-295.

31. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 2000. С.475.

32. Богданов К.А. Адмирал Колчак. СПб., 1993. С.32.

33. Русское слово. 1905. 27 октября.

34. Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1907. С.15.

35. Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1907. С.17.

36. Басов А.В., Московенко М.В. «К силе земной присовокупить морскую...»

//Отечественная история. 1996. № 5. С.88.

37. Парский Д. Причины наших неудач в войне с Японией. СПб., 1906. С.8.

38. Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. В 2 кн. М., 2000. Кн. 1. С.91

39. Цит. по: Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904-1905 гг.: Борьба на море. М., 1990. С.155.

40. Новое время. 1905. 3 июня.

41. Цит. по: Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2001. С.318.

42. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (ОР РНБ). Ф.422. Д.2. Л.16.
43. Грибовский В.Ю., Познахирев В.П. Вице-адмирал З.П.Рожественский. СПб., 1999. С.163.
44. Кладо Николай Лаврентьевич (1862-1918) - во время русско-японской войны капитан 2 ранга. С 1896 г. штатный преподаватель Николаевской морской академии. В апреле 1904 г. был начальником военно-морского отдела при штабе командующего флотом Тихого океана вице-адмирала Н.И.Скрыдлова. В сентябре-октябре 1904 г. был в плавании в составе штаба 2-й Тихоокеанской эскадры З.П.Рожественского. Под псевдонимом Прибой сотрудничал с газетой А.С.Суворина «Новое время». «За резкие и неуместные суждения» в адрес Морского министерства, высказанные на страницах газеты, в марте 1905 г. Н.Л.Кладо был объявлен строгий выговор (РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1 Д.2650. Л.110). При организации речной флотилии на Амуре проявил чрезмерную самостоятельность и был высочайшим указом назначен старшим офицером на крейсер «Громобой» во Владивосток. За отказ отбыть к месту нового назначения 3 мая 1905 г. уволен со службы. В сентябре 1906 г. вновь назначен штатным преподавателем Морской академии. В 1907 г. произведен за отличие в полковники, в 1913 г. - генерал-майоры по Адмиралтейству. С 1910 г. ординарный, а с 1916 г. - заслуженный профессор Морской академии. См.: Мельников Р.М. «Рюрик» был первым. Л., 1989. С.247-248.
45. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 2000. С.478.
46. Куропаткин А.Н. «Мы в России долго преследовали военных». //Военно-исторический журнал. 1992. №12. С.59.
47. Грибовский В.Ю., Познахирев В.П. Вице-адмирал З.П.Рожественский. СПб., 1999. С.218.
48. В официальном манифесте Николая II при объявлении войны от 18 февраля 1904 г. было сказано, что ведется эта «кровавопролитная война на Дальнем Востоке за честь и достоинство России и за господство на водах Тихого океана, столь существенно необходимое для упрочения в долготу веков преуспевания не только нашего, но и иных христианских народов». Цит. по: Новое время. 1905. 20 мая.
49. Грибовский В.Ю., Познахирев В.П. Вице-адмирал З.П.Рожественский. СПб., 1999. С.179.
50. ОР РНБ. Ф.422. Д.2. Л.10.
51. Цит. по: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия в России, 1895-1917. Л., 1984. С.234.
52. Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904-1905 гг.: Борьба на море. М., 1990. С.178.
53. Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л., 1926. С.95.
54. Ленин В.И. Разгром // Полн. собр. соч. Т.10. С.252. Здесь особо хочется отметить, что В.И.Ленин один из немногих русских политиков, который с огромным вниманием наблюдал за событиями на Дальнем Востоке. И хотя его нельзя назвать беспристрастным наблюдателем, оценки вождя большевиков отличаются куда большей глубиной, чем мнения некоторых профессиональных военных.
55. Вернадский В.И. Публицистические статьи. М., 1995. С.33-34.
56. Например, новый главнокомандующий русскими войсками в Маньчжурии генерал от инфантерии В.П.Линевич летом 1905 г. заявил, что для России, не имеющей «никаких особенно жизненных интересов в водах Дальнего Востока, Япония - победи-

тельница на море - не страшна. Ведь Япония и самого начала войны вполне владела морем, и поражение нашего флота никакого существенного изменения в условия нашей борьбы с нею не внесло». Цит. по: Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2001. С.348. Подобное мнение о возможности выиграть русско-японскую войну только силами сухопутной армии разделяли и другие участники войны. См.: Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С.164-165.

57. Поликарпов В.В. Власть и флот в России в 1905-1909 годах.// Вопросы истории. № 3. 2000. С.49.

58. Дневники императора Николая II. М., 1992. С.267.

59. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. 1999. Т.1. С.449.

60. Шашилло К.Ф. Россия перед первой мировой войной (Вооруженные силы царизма в 1905-1914 гг.). М., 1974. С.28.

61. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. 1999. Т.1. С.503.

62. Описание состояния судов к 1 марта 1907 года «Секретно № 14»

63. «На Балтийском море имеется 5 линейных кораблей..., но лишь один исправный линейный корабль «Цесаревич».

64. Броненосных крейсеров имеется 3; ...в готовности нет ни одного. Крейсеров имеется 7... только один «Богатырь» в готовности, но требует капитального ремонта и перестройки по всем частям...

65. ... на 49 минных крейсеров и эскадренных миноносцев мы имеем 33 исправных судна, из которых, однако, 8 желательно перестроить в виду их плохих качеств; 4-м необходимо обыкновенный текущий ремонт, 1-му капитальный ремонт и 11 находящихся в постройке и на испытании.

66. 9 миноносцев типа «Сокол». Тип этот устарел и переделкам не подлежит.

67. 9 миноносцев типа «Циклон». Тип этот весьма устарел...

68. 11 номерных миноносцев. Тип устаревший и капитальному ремонту и перестройке не подлежащий.

69. Старые миноноски постройки 1878 года никуда не годятся и подлежат исключению из списков флота.

70. Имеется 15 подводных лодок, из которых 11 находятся в постройке... и только 2 исправны». См. Работы офицеров МГШ. 1907-1909 гг. Т.3. Состояние судов к 1-му марта 1907 года. С.21-23.

71. Больных А. Морские битвы Первой мировой: Схватка гигантов. М., 2002. С.453.

72. Вапилин Е.Г. Государственная власть Российской империи и русская армия в начале XX в. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000. С.432.

73. Вот как рисует настроения и времяпровождение морских офицеров находящихся в Кронштадте на казарменном положении зимой 1905-1906 гг. лейтенант В.Н.Черкасов: «...На одном диване лежит штабс-капитан, на другом, большом, два мичмана, вокруг стола сидят прочие офицеры и молча дуют пиво. Все курят, и окурки суют в стаканы или бросают на пол. Ты себе представить не можешь, что это было (обращается он к жене), но право в любой пивной низшего разбора должно быть чище чем тут. Какой-то мичман с самой неприличной физиономией мрачно, но во всю глотку тянет самый циничный куплет и проч. Кроме этого пения изредка поочередно открывались чьи-нибудь молчаливые уста и, пробормотав с ленивым зевком «Фу ты скука ка-

кая» и снова закрывались до следующего такого возгласа». Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф.1147. Оп.1. Д.7. Л.146.

74. Так Морское министерство назвал депутат Государственной думы В.М.Пуришкевич.

75. ОР РНБ. Ф.422. Д.2. Л.75.

76. Цит. по: Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию: В 2 кн. М., 2000. Кн. 1. С.145-146.

77. Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С.190.

78. Список генералов, штаб- и обер-офицеров корпусов морского ведомства, чинов по Адмиралтейству и числящихся по корпусам. СПб., январское 1904 и январское 1907 гг. издание.

79. Список лейтенантам и мичманам строевого состава флота и обер-офицерам зачисленным по флоту. Ч.2. СПб., 1907. июльск. изд.

80. Белавенц П.И. Нужен ли нам флот и значение его в истории России. СПб., 1910. С.3. Ср. также мнение князя В.П.Мецкерского, назвавшего флот «сомнительно нужным». Цит. по: Новое время. 1905. 24 июня.

81. Скальковский К.А. О равнодушии общества./ Новое время. 1905. 3 июня.

82. Например, адмирал А.В.Колчак, говоря о положении перед русско-японской войной, отмечал: «Постройка судов шла без всякого плана, в зависимости от тех кредитов, которые отпускались на этот предмет, причем доходило до таких абсурдов, что строили не тот корабль, который нужен, а тот, который отвечал размерам отпущенных на это средств. Благодаря этому получались какие-то фантастические корабли, которые возникали неизвестно зачем». Протоколы допроса адмирала А.В.Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске 21 января-7 февраля 1920 г. // Архив русской революции, Берлин, 1923. Кн.10. С.192.

83. ОР РНБ. Ф.422. Д.2. Л.77.

84. Так Н.Л.Кладо, говоря о Морском министре, утверждал, что адмирал А.А.Бирилев «ничего не сделает, пока около него останутся те преступные и бездарные люди, которые, пользуясь прежним режимом, захватили в свои руки, загрязнили и даже закупорили все главные артерии, через которые министр тщетно пробует влить во флот новые порядки». См.: Новое время. 1905. 3 декабря.

85. Российское законодательство X – XX вв. М., 1994. Т.9. С. 41.